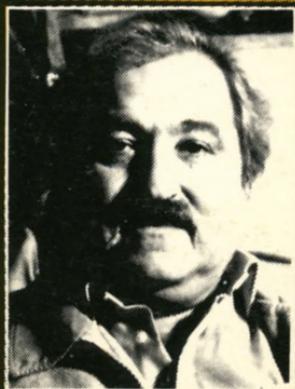
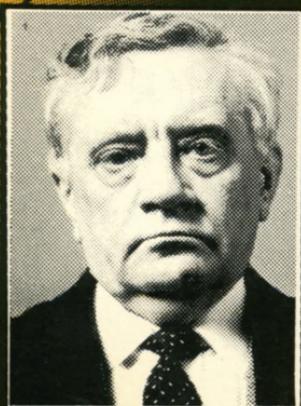
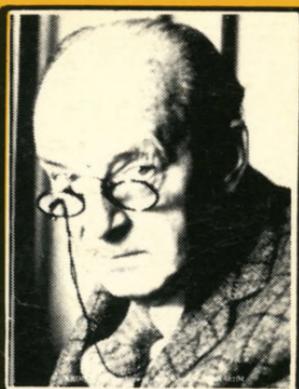
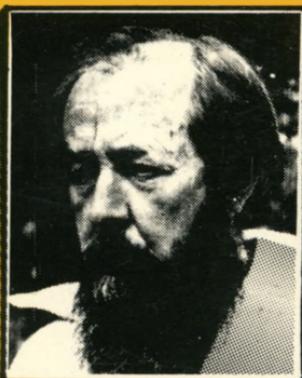

№1(61)

1989 г.

СТРЕЛЫ

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА ВАЛЕРИЯ СОЙФЕРА

Я хочу сказать очень немного, и поскольку действительно у меня не было никакого времени для того, чтобы специально готовить выступление, позвольте мне поделиться несколькими соображениями относительно того великого значения, какое имеет творчество Солженицына сегодня в России. Я недавно из России, после десяти лет пребывания в отказе мне наконец разрешили выехать из Советского Союза, и так получилось, что в начале этого года в «Огоньке» был напечатан мой очерк о Лысенко, о борьбе мракобесия в советской науке с настоящими учеными. После этого у меня было несколько выступлений, публичных, в Советском Союзе. Это был какой-то необыкновенный случай и вместе с тем этот случай показал, и дал возможность мне это увидеть, значение роли Солженицына в Советском Союзе. Когда многие люди здесь, сегодня, спорят о роли Солженицына, о его вкладе в развитие мировой культуры, в развитие отечественной литературы, в развитие демократического движения в России, то все-таки, все эти люди спорят отсюда, спорят с позиций людей,

пребывающих на Западе. Позвольте же сказать несколько слов о том, как сегодня слово Солженицына воспринимается в Советском Союзе, как именно сегодня, в 1988 году, относится к Солженицыну большинство советской интеллигенции. Я мог ощутить это на простом примере, когда после выступления в Центральном доме работников искусства, где было около тысячи человек, получил гору записок. Примерна одна четвертая часть записок была именно об Александре Исаевиче Солженицыне. Большинство записок касалось двух вопросов — первый: сегодня мы стыдимся того, что творили Сталин и Лысенко с Вавиловым, Кольцовым и другими учеными. Не будем ли мы завтра стыдиться того, что мы сегодня творим с Солженицыным, не пуская его на Родину? Это писалось открыто, под этим стояли подписи, я зачитывал эти записки и видел, так же, как я вижу сегодня ваши лица, каким огнем горели глаза людей, сидящих в зале. Это настоящее, подлинное признание своего светоча, своего лидера, подвигнувшего страну на тот хороший процесс, не на те политические и политиканские игры, а на тот хороший процесс осветления человеческого ума. Несомненно роль Солженицына в этом была огромной, его значение непреходяще и несомненно, что в развитие демократических традиций в Советском Союзе, в России, Солженицын вложил огромный, ни с чем и ни с кем не сравнимый вклад. Второй вопрос, о котором мне хотелось бы сегодня сказать, и также в очень лапидарной форме, это вопрос о роли писателя в современном мире, о его значении для читательской массы не как индивидуалов, а как массы таковой. Естественно, что современникам всегда очень трудно понять значимость того или иного писателя для будущих поколений и для страны в целом. Если мы вспомним сегодня известную нам хорошо историю признания Пушкина в его годы, то мы не можем не согласиться с тем, что не Пушкин был глашатаем времени, а были другие люди. И тем не менее прошло, буквально 10, 15, 20 лет со дня смерти Пушкина, и имя Пушкина воссияло на российском небосклоне, как звезда первой величины. Поэтому кто из нас сегодня может судить о социальном значении творчества Солженицына? И все же мы мо-

жем уже сегодня говорить открыто, что именно Солженицын разрушил в значительной степени левое движение на Западе. Это очень важный тезис. Это очень мощная оценка творчества человека. Если один человек своим трудом, причем трудом, произведенным не в условиях открытости, а в условиях разговора «из под глыб», используя его же термин, если в этих условиях человек сыграл космическую роль, то может ли быть еще более высокой оценка творчества писателя?! Я понимаю, что об этом будет говорить, вероятно, профессор Данлоп, поэтому я не буду больше касаться этого вопроса, но мне кажется, что сама постановка вопроса и сам ответ на него содержат в себе столько плоскостей измерения, столько возможностей для оценки творчества в самых разных направлениях, что одного этого хватило бы для жизни целого поколения писателей, а это было сделано руками одного человека. И есть третий аспект, аспект личности человека. Не скрою, для каждого из тех, кто оказывался в положении человека, к которому могут вломиться агенты КГБ, которого хватают на улице, которого спрашивают, допустим, а откуда вы получили эти материалы, кто вам сказал, когда телефон ваш отключается на полгода, когда вы не получаете писем в течение нескольких лет, для каждого из этих людей понятен страх индивидуума перед будущим, ответственность перед семьей. И вот человеком, который дал пример бесстрашия, был Солженицын. Я помню, что как-то, будучи студентом МГУ, приехал в Горький (я родился в Горьком). У нас там был замечательный учитель логики, он меня встретил на улице, и я ему начал что-то говорить о Хрущеве. Повидимому я говорил очень горячо, и он мне сказал, знаешь, а мы в наше время, когда я был студентом, боялись подумать о том, о чем ты сейчас говоришь. И вот человеком, который разрушил этот страх, который показал, как нужно относиться к самому себе, к тому, что ты делаешь сегодня, к тому, как это будет восприниматься тобой самим завтра, был Солженицын. И его личный подвиг, его личное отношение к своему собственному творчеству, то, что мы можем увидеть из его же книги «Бодался теленок с дубом»,

когда он пишет, как он превозмогал этот страх, как он переходил ступенька за ступенькой к пониманию своей роли в обществе — это пример огромного морального и человеческого побеждающего начала над тем, что вбивалось 70 лет советской властью в головы людей. Я думаю, что сегодня самая большая проблема Горбачева, наряду, конечно, с проблемами экономическими, это проблема ломки стереотипа советского человека. Я не верю в то, что можно будет в обозримое время получить те человеческие качества, которые может быть иногда в розовые минуты дрем, Горбачеву кажутся наиболее привлекательными. Я думаю, что тот стереотип, который создала советская система или большевистская партия в Советском Союзе, то партийное быдло, которое пронизало собой все поры государственного механизма, не может быть изменено быстро. Но пример Солженицына, человека, поднявшегося над этим миром окостенелости, один из наиболее ярчайших примеров в истории человечества. Поэтому мне кажется, что те споры, которые были отмечены вами, те, так сказать, надругательства, что ли, которые творились, это вещи настолько мимолетные, настолько они, может быть, будоражат сегодня кой-кого, но настолько они ничтожны, по сравнению с величиим подвига этого человека, что мы будем спустя многие годы, вспоминать как одно из ярчайших событий в своей жизни, то что мы жили в одно время с Солженицыным. Как говорят — пушкинское время, будут говорить — солженицынское время. Анекдот о том, что Брежнев — это мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой, конечно, только анекдот, а вот то, что наше время будет зваться солженицынским временем, мне кажется, это истина. И то, что один человек сумел сделать в своей жизни, это величайшее проявление человеческого духа за многие сотни, а может быть и даже тысячи лет развития человечества. Поэтому, узнав сегодня о том, что состоится эта встреча, я с такой радостью воспринял возможность сказать здесь несколько слов, не будучи подготовленным к этому. Но тем не менее мне кажется, что вот эти три главные элемента являются определяющими в творчестве Солженицына и определяют наше, читателей, отношение к нему.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	
<i>Юрий Кублановский</i>	
С доверием к географии. Стихи	4
<i>Юрий Мамлеев</i>	
Отражение. Здравствуй, друзья! Рассказы	8
<i>Генрих Сапгир</i>	
Этюды в манере Огарева и Случевского. Стихи	17
<i>Владимир Максимов</i>	
И аз воздам. Отрывок из романа	20
<i>Дмитрий Бобышев</i>	
Из книги: Звери Св. Антония. Бестиарий. Стихи	27
<i>Аркадий Бартов</i>	
Кое-что о Мухине. Повесть	37
<i>Татьяна Щербина</i>	
Из книги «Ноль-Ноль». Стихи	62
<i>Сергей Юрьенен</i>	
Медовый месяц. Отрывок из романа «Желание быть испанцем»	69
<i>Анри Волохонский</i>	
Песнь о Хасаре	86
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
<i>Юрий Кублановский</i>	
Мастерство. О прозе Татьяны Толстой	90
<i>Наталья Иванова</i>	
Шоковая терапия	93
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
<i>Владимир Набоков</i>	
Знаки и символы. Рассказ	121
<i>Георгий Иванов</i>	
Эллис. Рассказ человека из богемы	128
<i>Юрий Анненков</i>	
Ночное путешествие. Рассказ	137
ЭССЕ	
<i>Василий Аксенов</i>	
Чувство России	148
<i>Борис Тираспольский</i>	
По гамбургскому счету	154
НАШЕ ИНТЕРВЬЮ	
Беседа с Татьяной Толстой. «Идеи гласности и перестройки интеллигенция поддерживает...»	161
Параджанов покоряет Париж (перевод беседы корреспондента газеты «Либерасьон» с Сергеем Параджановым)	174

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Натан Эйдельман

Проблемы и задачи политической истории
России XVII-XIX веков или рассказ о перестройках
с хорошим концом и перестройках с плохим
концом. Выступление в Париже, в Сорбонне,
в июне 1988 года 179

Дора Штурман

Размышления на крутом склоне 189

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Александр Глезер

Живопись на страницах «Огонька» 213

РАЗГОВОР О ЖУРНАЛЕ

Прощаясь с ежемесячником «Стрелец». Беседа
Александра Глезера и Сергея Юрьенена 218

Вадим Крейд

Приветственное слово «Стрельцу» 233

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ

Международная конференция,
посвященная А.И.Солженицыну 236

Письмо А.И.Солженицыну
от участников конференции 237

Юрий Кублановский

Приветствие солженицынской конференции 238

Выступление Василия Аксенова 239

Выступление проф. Валерия Сойфера 245

Александр Глезер

Солженицын и эмиграция 249

Дмитрий Бобышев

Два лауреата 254

Галина Бови-Кизилова

Солженицын и Россия — неразделимы 261

Борис Тираспольский

Исполнение миссии 264

Проф. Джон Б. Данлоп

Как Александр Солженицын был почти
реабилитирован и снова предан анафеме 269

Юрий Кублановский

Стиль и историософия «Красного колеса»
А.И.Солженицына 283

Лев Посев

Солженицынские евреи 294

Дора Штурман

Несколько слов к семидесятилетию Солженицына 312

СОЛЖЕНИЦИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» от 13 декабря 1988 года, в Москве 11 декабря состоялись торжественные собрания, посвященные семидесятилетию А. И. Солженицына. Эти собрания прошли в Доме кинематографистов, Доме Архитекторов и в Доме медицинских работников.

В Доме кино выступили с речами председатель Союза кинематографистов Андрей Смирнов, литературные критики Игорь Виноградов, Владимир Лапшин, Юрий Корякин и главный редактор газеты «Московские новости» Егор Яковлев. Последний сказал: «Мы должны принять его таким, каков он есть» (обр. перевод с англ.). И. Виноградов в своем выступлении, под аплодисменты присутствующих, упомянул «Архипелаг ГУЛАГ». А Ю. Корякин заявил: «Дайте Солженицыну быть антикоммунистом. Достоевский был антикоммунистом, но можем ли мы называть его нашим врагом?» (обр. перевод с англ.).

Отдавая дань мужеству выступавших (напомним, что незадолго до солженицинских торжеств в Москве новый идеолог партии Вадим Медведев объявил на встрече с редакторами газет и журналов, что произведения и само имя писателя не должны больше упоминаться в печати), «Нью-Йорк таймс» замечает, и редакция «Стрельца» к этому замечанию присоединяется, что московские торжества, посвященные А. И. Солженицыну, не могли состояться без разрешения свыше.